

На следующее утро Хань Цзинь с трудом пришел в себя. Долгий сон, длившийся четыре или пять суток, отозвался тяжелой болью в голове. Открыв глаза и увидев вокруг незнакомую обстановку, он невольно нахмурился, инстинктивно ощетинившись.

— Господин, вы наконец очнулись! — в дверях как раз показался Бо Цин с миской отвара. Увидев, что Хань Цзинь пришел в себя, он бросился к нему с радостным возгласом.

Хань Цзинь окинул его взглядом: с Бо Цина были сняты кандалы и лохмотья раба, теперь он выглядел опрятно. Опустив взгляд на себя, Хань Цзинь увидел, что на нем тоже больше нет грязного тряпья — лишь простое хлопковое нижнее белье.

Он нахмурился, пытаясь что-то вспомнить, но безуспешно. Уперевшись рукой в висок, он глухо спросил:

— Что произошло?

Бо Цин опустился на колени и принялся в подробностях излагать события: от момента, как Хань Цзинь впал в беспамятство, до того, как принцесса пригласила имперского лекаря, выделила им этот флигель для отдыха и запретила кому-либо их беспокоить. К концу рассказа голос Бо Цина стал тише, он замялся, не зная, как упомянуть о ране, которую принцесса получила по вине господина.

Колебания Бо Цина не укрылись от Хань Цзиня. Он поторопил его холодным, не терпящим возражений тоном:

— Говори.

Бо Цин не посмел послушаться:

— Господин, возможно, вы не помните, но, будучи в беспамятстве, вы ранили принцессу.

Хань Цзинь приоткрыл рот, словно пораженный, но в голове по-прежнему была лишь пустота. Он не мог вспомнить ни единого образа; всё, что происходило во сне, казалось лишь темным кошмаром, в котором реальность смешалась с безумием.

Бо Цин почувствовал, как сердце ушло в пятки. Он даже не успел собрать осколки разбитой чашки — Хань Цзинь в порыве ярости смахнул её со стола.

— Убирайся! Вон отсюда!

Хань Цзинь снова тяжело опустился на постель, закрыл глаза и, прерывисто дыша, спросил:

— Она плакала?

Бо Цин замер, подняв глаза. Он никак не ожидал, что после вчерашнего принцесса всё же придет. Он быстро взял себя в руки и с поклоном произнес:

— Приветствую принцессу.

Хань Цзинь замолчал, а затем сухо усмехнулся:

— Глупые отговорки. Она что, так легко поверила?

Нин Фу, пряча пальцы в рукавах, нерешительно замерла на пороге. Выражение её лица было сложным.

— Тогда куда ты собрался? — спросила она.

Хань Цзинь ответил:

— Как ты объяснишь те многочисленные раны, что на моем теле?

— Я придумал на ходу, что мы — обычные богатые купцы из государства Наньюэ, которые годами торговали между Сией и Дунчуном. Я сказал, что нас ограбили разбойники, подмешав нам обоим яды, от которых мы и слегли, а по пути домой нас схватили солдаты, подавлявшие бунт рабов, — объяснил Бо Цин.

Хань Цзинь на мгновение замолчал, а затем глухо и хрипло прошептал:

— Испуганный кролик.

Бо Цин не расслышал, но продолжал:

— Я добавил, что знать из посольства Наньюэ постоянно избивала рабов, вот откуда на теле господина эти раны.

Бо Цин кивнул, не заметив в своей истории пробелов, и гордо добавил:

— Принцесса поверила безоговорочно! Поначалу она злилась из-за укуса, но после моих слов гнев сменился сочувствием. Она больше на вас не смотрит с ненавистью.

Хань Цзинь нахмурился:

— А что насчет яда?

— Имперский лекарь уже доложил ей правду, так что она знает о вашем отравлении. Но поскольку Сиюй и Дунчун находятся далеко, принцесса все равно сомневалась.

Хань Цзинь, не скрывая усталости, потер переносицу:

— А ты что?

Бо Цин напомнил, что теперь они — молодой хозяин из купеческой семьи и его слуга, и что нужно следить за словами, чтобы не проговориться.

Тем временем Нин Фу, решительно пересилив смущение, вошла во двор, но едва приблизилась к дверям, как чуть не столкнулась с вылетающим оттуда Бо Цином.

— Бо Цин, за тобой что, тигр гонится? — недовольно спросила она.

— Я иду готовить лекарство, ту миску я... — Бо Цин замялся и поправился, — случайно разбил.

Нин Фу кивнула и отпустила его. Остатись одна, она нерешительно потопталась на пороге. В другое время она бы вбежала внутрь, не раздумывая, но сейчас чувствовала себя неловко.

Миновав ширму, Нин Фу вошла, стараясь сохранять величественный вид. Она демонстративно кашлянула. Мужчина на постели открыл глаза и посмотрел на неё, но не проронил ни слова и даже не попытался поприветствовать её должным образом.

Нин Фу разозлилась. Она вдруг почувствовала резкую боль в запястье. Она хотела сделать шаг вперед, чтобы устроить ему допрос, но путь преграждали осколки и лужи лекарства.

— Обойди, — неожиданно мягко посоветовал он.

Нин Фу вскинула брови:

— Я и без тебя знаю!

Хань Цзинь не стал спорить, лишь бросил взгляд на её запястье:

— Садись.

— Это резиденция принцессы, моя территория. Не тебе указывать мне, как себя вести!

Нин Фу язвила, но огляделась: кроме кровати, в комнате был лишь один грушевый стул, ножки которого стояли в луже пролитого отвара. Она была брезглива, поэтому поморщилась:

— Где же мне сесть?

Он промолчал, но похлопал рукой рядом с собой, приглашая сесть на край кровати.

Нин Фу расширила глаза от возмущения, готовая отчитать его за дерзость, но он опередил её, заговорив о вчерашнем:

— Покажи рану.

Нин Фу смутилась и поспешно спрятала руку за спину. Хань Цзинь, глядя на её движение, бесстрастно произнес:

— Если за раной не следить, на запястье останется шрам. Принцессы обычно дорожат своей красотой. Ты позволишь остаться на коже этому... укусу?

— Не пугай меня! — пробормотала она. В душе она действительно тревожилась: Бо Цин не сказал, останется ли след, а звать лекаря она не могла. Бросив на него сердитый взгляд, она неохотно протянула руку. — У тебя есть способ сделать так, чтобы шрама не было?

— Не узнаю, пока не посмотрю.

Нин Фу, ворча о том, какой он колкий и противный, всё же села на край кровати и протянула запястье:

— Ну, смотри, что ты там вымотришь.

Хань Цзинь опустил взгляд. На тонком бледном запястье небрежно, без всякого смысла, была намотана повязка. Он нахмурился:

— Кто это перевязывал?

— Бо Цин, — ответила Нин Фу, не заметив, как похолодел его голос.

— Бо Цин? — его голос стал еще ниже. Даже Нин Фу заметила недовольство.

— А кто же ещё? Ты осмелился укусить принцессу! Если бы это стало известно, ты был бы уже мертв. Это у меня доброе сердце, я скрыла это и не стала звать лекаря. Ты должен быть благодарен, понимаешь?

Она смотрела ему в глаза, пытаясь воззвать к его совести, но он словно не слышал:

— Принцесса знает мое имя?

Нин Фу опешила от смены темы, но честно покачала головой.

— Тогда... как тебя зовут?

Он помолчал, словно сомневаясь, стоит ли говорить, и наконец неохотно выдавил:

— Цзинь.

— И всё? А фамилия?

Хань Цзинь начал осторожно разматывать бинт. Его движения стали мягкими, а голос — тише:

— Фамилия дается родителями, а имя принадлежит лишь мне одному. Тебе достаточно знать одно слово.

Он намеренно скрывал происхождение: фамилия Хань принадлежала царскому роду. Несмотря на наивность принцессы, нельзя было исключать, что кто-то догадается о его корнях. Они не собирались задерживаться в Да Ли надолго, но сейчас, лишившись большей части своей культивации, он был уязвим.

Нин Фу посчитала это логичным и не стала настаивать:

— А какой это знак? Что он значит?

— Иероглиф, связанный с огнем. Пожар, оставляющий после себя лишь пепел, — холодный, пустой смысл.

Его голос звучал отрешенно, он не выказывал ни капли подобающего почтительного отношения, но его взгляд был полностью сосредоточен на её ране.

Нин Фу задумалась над значением имени и забыла, что он всё ещё держит её руку.

— Звучит не очень обнадеживающе, — заметила она. — Мое имя созвучно со словом счастье, и означает нежный цветок лотоса, растущий из ила, но остающийся чистым. Мой отец вложил в него много сил.

Хань Цзинь тихо усмехнулся и указательным пальцем погладил её подушечку пальца — намеренно или случайно, было неясно.

— У принцессы прекрасное имя.

— Ты... искренен?

— Естественно.

Нин Фу была удивлена. Такая мягкость была ему совсем не свойственна. Неужели он чувствует вину?

— Не принижай себя. Имя должно просто красиво звучать, верно? Раз ты не хочешь называть фамилию, я буду звать тебя А Цзинь. Как тебе?

Хань Цзинь замер. Помолчав, он тихо ответил:

— М-м.

— А Цзинь? Да, звучит очень приятно, — Нин Фу улыбнулась. — Тебе нравится?

Хань Цзинь опустил глаза. В глубине души что-то дрогнуло и наполнилось теплом.

Впервые в жизни он услышал, как его полное злого имя прозвучало так светло и приятно. Он продолжал поглаживать её кожу, пытаясь скрыть нарастающее влечение, и прохрипел:

— Нравится.

<http://bllate.org/book/21012/2136233>